

СВЕТ В ГЛУБИНЕ

*Не дайте штюлю себя обмануть, под водой
зарождається шторм...*

ФРЭНСИС ХАРДИНГ

Романы Фрэнсис Хардинг

Фрэнсис Хардинг

Свет в глубине

«Издательство CLEVER»

2019

УДК 82-34
ББК 84(4Анг)

Хардинг Ф.

Свет в глубине / Ф. Хардинг — «Издательство CLEVER»,
2019 — (Романы Фрэнсис Хардинг)

ISBN 978-5-00154-419-7

Пятнадцатилетний охотник за морскими сокровищами Харк случайно достает с морского дна невероятный артефакт – волшебную сферу, принадлежавшую богам. находка сулит не просто баснословные деньги – власть, силу, могущество, но, главное, она может спасти жизнь Джелта, лучшего друга Харка. За сферой охотятся контрабандисты, ученые и религиозные фанатики. Не понимая, что артефакт – вовсе не благословение морских богов... а их проклятие. И даже Джелт, которого сфера спасает от гибели, неотвратимо меняется. Рискнет ли Харк собственной жизнью, чтобы в очередной раз его спасти, и какую цену он готов заплатить за их дружбу?

УДК 82-34
ББК 84(4Анг)

ISBN 978-5-00154-419-7

© Хардинг Ф., 2019
© Издательство CLEVER, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фрэнсис Хардинг

Свет в глубине

Оригинальное название: Deelight

First published 2019 by Macmillan Children's Books an imprint of Pan Macmillan

Copyright © Frances Hardinge 2019

Cover illustration by Aitch

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

Пролог

Говорят, можно проплыть тысячу миль вдоль цепочки островов Мириеда, от заснеженных берегов на севере до цветущих, знойных островов юга. Говорят, островитяне подобны красным крабам, снующим вдоль берегов: выносливые и непредсказуемые, они чувствуют себя в воде так же непринужденно, как на суше.

Говорят, что океан вокруг Мириеда поражен безумием. Моряки рассказывают о гигантских, проглатывающих суда водоворотах и о беспощадных ледяных струях, которые выплескиваются на поверхность и останавливают сердца пловцов. О безоблачных небесах, которые неожиданно вскипают черными тучами.

Говорят, под морем скрывается темное царство кошмаров. Когда Подморье выгибает спину, морская поверхность неистово волнуется. Говорят, что Подморье когда-то было обиталищем богов. Много всего говорят о Мириеде. И это чистая правда.

Боги были так же реальны, как береговые линии и течения, и так же беспощадны, как ветра и водовороты. Стекланный Кардинал душил целые галеоны прозрачными щупальцами. Красный Одиночка плавал в воде подобно кровавому облаку. Вой Калмаддота вырывался из острой, как бритва, решетки, заменявшей ему рот. Скорбящая продвигалась вперед, молотя по воде дюжинами человеческих ног. Сокрытая Дева поджидала в безмолвных глубинах, закутавшись в свои длинные волосы. Время от времени кто-то из богов поднимался из Подморья и показывался в бледном свете дня, истребляя шхуны, разнося в щепки порты и навеки впечатывая свои образы в ночные кошмары очевидцев. Некоторые боги еще и пели.

Веками они правили Мириедом, внушая людям благоговение и ужас. Каждый владел своей территорией – собственным скоплением островов. Люди приносили человеческие жертвы, дабы умилостивить богов, и на каждом судне и суденышке были нарисованы молящие глаза, призванные снискать их милосердие. Богам служили. Их боялись. Их обожали.

И тут боги неожиданно затеяли междоусобную войну. Всего недели хватило на то, чтобы они уничтожили друг друга, – недели приливов и опустошения. Сотни островитян погибли. К концу этой недели в живых не осталось ни одного бога. Только огромные трупы великанов, которые несло течением. Даже тридцать лет спустя после Катаклизма никто не может сказать, почему он случился. Боги по-прежнему остаются тайной, хотя страх перед ними постепенно исчезает.

Говорят, что частичка мертвого бога размером с монетку может озолотить вас, если силы, которыми обладал бог, были достаточно редкими и необычными и если у вас хватит храбрости, чтобы нырнуть за такой частичкой.

Все это чистая правда.

Глава 1

– Уверен, что это безопасно? – уточнил приезжий торговец, карабкаясь по лестнице, ведущей на вершину шаткой деревянной башни. – Я думал, ты договорился о месте на одной из тех лодок.

– Все лодки переполнены, – без заминки ответил Харк, взбираясь следом. – Губернатор, его друзья и все богачи, оплатившие экспедицию. Да еще их семьи. Они заняли все места. Ни одного не осталось. Кроме того, места в этих лодках стоят дороже самого зрелища. Вы заплатили десятую долю от той цены, а вид отсюда куда лучше!

К тому времени как они достигли верхушки башни, торговец задышался и промокал лицо платком. Хозяин деревянной конструкции подвел торговца и Харка к двум тесным, неудобным сиденьям и взял у торговца плату за обоих. Дул холодный ветер, отчего башня поскрипывала и торговец ежился, придерживая на голове шляпу. Он не заметил, как владелец башни подмигнул Харку и сунул ему комиссионные.

Десятифутовые деревянные башни выкатывались на берег только в праздники или базарные дни. По правде сказать, особенно безопасными они не были, и Харк знал, что, когда нищие зеваки повиснут на них по бокам, находиться на башне станет совсем уж рискованно. Но он справедливо посчитал, что об этом упоминать не обязательно.

– Вид действительно хороший, – неохотно признал торговец.

Сверху прекрасно просматривались окрестности: толпа заполнила каждый дюйм причалов и пирсов. Народ забил гавань с самого рассвета, и даже вершины скал и окрестные башни были облеплены фигурками людей. Все хотели как следует рассмотреть огромную чашеобразную гавань.

Со стороны казалось, что она едва ли заслуживает такого внимания. Это была самая обычная тихая морская гавань, идеально подходящая для швартовки кораблей и погружения под воду, загроможденная обычными подводными суденышками. Плоские железные «черепахи» с задними гребными винтами ютились рядом с изящными «барракудами», оснащенными черными железными лопастями. Водолазные колокола блестели сталью и стеклом, выделяясь на фоне маленьких старомодных «скиммеров» – аппаратов из кожи и дерева для погружения под воду.

Но сегодня все эти суда были пришвартованы по краям гавани. Скоро сюда вернется субмарина гораздо больших размеров – нужно было расчистить ей место. Когда она войдет в гавань, взгляды всех собравшихся будут прикованы именно к ней. Все жаждали увидеть, что – и кого – она привезет.

– Похоже, все островитяне пришли поглазеть! – воскликнул торговец.

– Сокрытая Дева была нашей богиней, – сообщил Харк. – Наш остров Ледиз-Крейв¹ даже назван в ее честь. Можно сказать... она возвращается домой.

Честно говоря, Сокрытая Дева держала в своей власти не один, а несколько островов, но Харк позволил себе приукрасить действительность. Да и какая разница? Она правила тут давным-давно, еще до рождения Харка. Теперь боги перешли в разряд легенд, а легенды можно рассказывать как тебе угодно.

Пока что день был ясным, но очертания дальних островов на горизонте уже расплывались – их заволокло дымкой, предвещавшей дождь. Харк унюхал запах жарившихся на портювых жаровнях крабов и внезапно почувствовал острый прилив любви к своему острову. Все свои четырнадцать лет он провел на изрезанных берегах Ледиз-Крейва, и уроки, которые преподнесла ему родная гавань, были бесценны. В конце концов все рано или поздно прибывали

¹ *Lady's Crave* – англ. «желание леди». – Здесь и далее примечания редактора.

на его остров. Правда, часто эти все оказывались сломленными или пропащими, но разве это имело значение? Он любил многоголосье акцентов, прибытие и отплытие больших судов и тайные сделки – куплю и продажу почти всего на свете. Любил хитроумие жителей этого острова и их желания.

«Лучше бы Джелту быть здесь и все увидеть своими глазами». Мысль напала из засады, а вслед за ней ворвалась целая стая переживаний: «Где, во имя бедствия, пропадает Джелт?» Джелт договорился встретиться с Харком с утра пораньше у кузницы, чтобы обсудить какую-то подработку. Харк прождал его два часа и ушел ни с чем. Это так в духе Джелта: он всегда рядом, когда по-настоящему нужен, но в остальное время появляется и исчезает, как кот, – без извинений и объяснений.

Харк понимал, что Джелт, скорее всего, на что-то отвлекся. Но чем больше проходило времени без каких-либо известий о лучшем друге, тем больше Харк начинал тревожиться за него. У Джелта были враги и прошлое, которое то и дело о себе напоминало.

– Как мы узнаем «Дитя бездны»?

Торговец шурился, глядя в подзорную трубу и пытаясь разглядеть гавань.

– О, вы сразу поймете, что это оно!

Как и большинство жителей острова Ледиз-Крейв, Харк очень гордился этим судном.

– Оно длинное, как шхуна. Настоящая подводная бестия. Тридцать весел, корпус из черной сверхпрочной стали, десять захватов и три задних гребных винта. Лучшая и самая большая трофейная субмарина. Толпа с ума сойдет, когда увидит ее.

Обычно простые лодки не допускались в гавань для погружений, если не считать нескольких таможенных судов, шлюпок для подводного плавания и грузовых судов. Сегодня, однако, у пристани были пришвартованы три роскошных прогулочных катера, с которых местная элита могла лучше рассмотреть «Дитя бездны».

– Это яхта губернатора!

Харк показал на единственную мачту с простым бело-зеленым флагом:

– Там собрались все инвесторы – богатеи, оплатившие экспедицию субмарины «Дитя бездны».

Как ясно он представлял их, упивающихся дорогим вином и своими надеждами, всматривающихся в воду с азартом карточных игроков!

– Сегодня они получают целое состояние... или разорятся, – добавил он.

– Разорятся? – переспросил торговец. – И часто такое случается?

– Иногда.

Харк учуял плотоядное любопытство и поспешил его подкормить:

– Как-то раз на одну большую субмарину по имени «Непокорная» в глубинах моря напал гигантский спрут, и она приковыляла в порт без трофея. Когда она всплыла и все увидели пустые сети, половина инвесторов в отчаянии попрыгала в воду. Охрана губернатора сумела вытащить большинство бедолаг, но некоторые из них по своей должности обязаны были носить тяжелые цепи и металлические латы под одеждой.

Харк красноречивым движением руки изобразил прыжок вниз и с притворной скорбью покачал головой. Услышав такое, торговец воспрянул духом. Для него было утешением представить возмутительно богатых людей жалкими и тонущими. Конечно, с точки зрения Харка сам торговец был очень богат, посему Харк не мучился угрызениями совести при мысли о том, чтобы сделать его чуть менее богатым. Он надеялся обвести богача вокруг пальца еще до конца дня.

– Гигантский спрут? – зачарованно спросил торговец, понизив голос. – Так в этих водах еще не перевелись морские чудища?

– О, там, на дне, каких только опасностей не встретишь! – с энтузиазмом добавил Харк. – Рыбы с острыми, как бритва, зубами, белыми глазами и хвостом, как хлыст, в желтых огонь-

ках! Ледяные волны и водовороты! Течения, которые засасывают тебя на дно! Черные скалы, которые выглядят как зазубренные башни, и гигантские трещины, кишачие алыми пастями! Морские ежи с колючками длиной в вашу руку! Приливы, несущие желтых медуз, таких ядовитых, что одно их прикосновение может убить кита!

Все истории были правдивы. По крайней мере, учитывая нынешние планы Харка. Истории были валютой, и Харк понимал это лучше остальных. Разве несколько красочных деталей изменят суть? Этот иностранец годами будет пересказывать услышанные байки, как только доберется до родного западного континента.

Торговец содрогнулся. Вероятно, он думал, что в подводном мире все враждебно и таинственно. В этом отношении жители континента были очень странными и, похоже, считали, что земля заканчивается там, где начинается береговая линия. Будто острова были просто плотами, покачивающимися на поверхности серого бурного моря. Местные вроде Харка проводили под водой достаточно времени, чтобы понять: острова – всего лишь вершины подводных гор. Земля под водной гладью тянулась вниз острыми хребтами, ее контуры очерчивали глубокие овраги, скалистые обрывы и скрытые равнины. Везде были свои обитатели, особые ориентиры, достопримечательности, сокровища и сюрпризы.

– Вон она! – крикнул Харк.

У самого входа в гавань он углядел свободный бурлящий участок воды, где волны разбивала длинная подводная тень. Чайки, сидевшие на поверхности моря у входа в гавань, стали взлетать в небо большими крикливыми стаями, задирая друг друга и камнем падая вниз.

– Вон там! Видите маленькую белую струю? Она подняла перископ!

Другие тоже кричали и показывали на гавань. Через несколько секунд раздался выстрел маленькой пушки, и эхо разнеслось по окрестностям. Белая струйка дыма поднялась в небо и поплыла по ветру.

Крики возбужденной толпы оглушали. Каждый раз, когда субмарина привозила бога домой, в воздухе царила атмосфера праздника. Мальчишкой Харк жил ради таких моментов. Широко раскрытые глаза ловили каждую деталь. На мгновение его охватила волна забытого восторга и трепета.

В этот момент на поверхности показалась спина огромной черной субмарины. Пена стекала с низкой турели – башенки – и напоминающих лезвия лопастей. Латунная окантовка иллюминаторов блестела на солнце. Тусклые умоляющие глаза на носу были мокрыми, словно от слез.

– Она лишилась нескольких весел, – пробормотал Харк, но слова потонули в реве толпы.

От восьми весел остались уродливые обрубки. Когда «Дитя бездны» поднялось выше, Харк увидел, что лодка лишилась не только весел. Исчез один гребной винт, задняя панель была почти оторвана, а из смятого отверстия сочилась морская вода.

Интонации общего гомона изменились, когда и остальные заметили то же самое. Переднее отделение, скорее всего, еще оставалось водонепроницаемым, поскольку кто-то управлял субмариной, а значит, остался в живых. Но те, кто находился позади, наверняка были мертвы.

Теперь и торговец подался вперед. Подзорная труба словно приросла к его глазу. Он предвкушал, как расскажет друзьям про все, что ему довелось повидать, и было не важно, закончится история трагично или счастливо. Возможно, трагедия даже интереснее триумфа. Истории подобны беспощадным хищникам, которых питают ужасные происшествя.

– Где ее груз? – спросил торговец. – Почему люди мечутся по причалу? Что происходит внизу?

– Турель открылась! – пояснил Харк. – Кто-то выбрался из нее... идет разговор... Похоже, губернатор приказал водолажным катерам выйти в гавань. Наверно, под субмариной что-то привязано.

Охрана губернатора, расставленная по береговой линии, приготовила гарпунные и пневматические пушки, разрешив приближаться к субмарине только водолазным катерам. Остальным же пловцам, водолазам или субмаринам это было запрещено; осмелюсь они это сделать, их ждала бы неминуемая смерть.

Харк с торговцем наблюдали, как солнечные лучи поблескивают на скафандрах водолазов, медленно опускающихся под воду и исчезающих с поверхности. Минут через пять вода забурлила. Что-то поднималось из глубин рядом с огромной субмариной, длинное и узкое, опутанное сетью.

– Оно просто гигантское! – воскликнул торговец. – В жизни не видел ничего подобного!

Штуковина в сети... нет, две штуковины были такой же длины, как «Дитя бездны», но не шире человеческого торса. Они были согнуты в двух местах, и Харк сначала подумал, что, должно быть, они сломались в пути. Однако, когда пена растаяла, он увидел, что длинные и тонкие предметы были соединены суставами. В ячейках колыхавшейся сети проглядывал пятнистый красно-белый хитин, увешанный черными водорослями и обросший круглыми ракушками-блюдечками². Сквозь одну ячейку высунулся конический серый коготь.

На глазах Харка невероятно длинные ноги шевельнулись и медленно согнулись. Сердце паренька дрогнуло от страха и благоговения. На секунду он вновь стал малышом, почти поверившим, что сейчас из воды поднимется Сокрытая Дева, стряхнет сеть и от ее вопля скалы рассеются в пыль, а извивающиеся волосы затмят синеву неба...

Но эта секунда прошла. Здравый смысл победил. Харк догадался, что жутковатое движение вызвали волны, поднятые водолазами.

– Это она? – спросил торговец, дергая Харка за рукав. – Сокрытая Дева?

– Нет, – ответил Харк. – То есть да, части ее тела. Две ноги.

Ноги морского паука длиной с субмарину. Поразительная находка! Но грудь Харка сдавило от разочарования. На что он надеялся?

– Я думал, она из тех богов, кто больше всего походил на человека, – заметил торговец.

– Так и было, – кивнул Харк.

Теперь она была боготоваром, а обладание частичкой бога давало огромные возможности. Инвесторы будут ревностно охранять свой груз, когда его вытянут кранами и доставят в подготовленный пакгауз. Они не успокоятся, пока каждая унция груза не будет разрезана, взвешена, очищена, продана или сварена на клей. И все это время сотни глаз будут наблюдать, не подвернется ли им шанс. Осколок раковины, капля божественной сукровицы, фрагмент плоти – все можно сбыть за сумму, сравнимую с месячным заработком простого работяги. Будь Харк помладше, вероятно, он тоже потолкался бы в толпе, надеясь урвать крошечный кусочек, оставшийся без присмотра. Теперь-то, став старше и умнее, он знал, что есть другие способы заработать на Сокрытой Деве без необходимости лезть под прицел гарпуна.

Он бросил короткий оценивающий взгляд на торговца, который все еще зачарованно смотрел в подзорную трубу.

– Везет ремонтникам, – сказал Харк словно в продолжение беседы. – Тем, кто потом чистит и ремонтирует большие сети. Работа трудная из-за толстых канатов, но один мой друг взялся за нее, и он говорит, что всегда находит пару кусочков плоти божества, застрявших в сети. Ему позволяют оставить их себе как плату за труд.

– В самом деле?

Торговец опустил подзорную трубу и уставился на Харка. Вид у него был недоверчивый, но заинтересованный. Харк выбрал правильную тактику.

– Все это не так здорово, как кажется. – Харк с сожалением пожал плечами. – Ему приходится все продавать на Оценочном аукционе, а значит, налоговая губернатора отхватывает

² Блюдечки – солоно- и пресноводные улитки (брюхоногие моллюски).

себе жирный кусок, – сообщил он и отвел глаза, словно потеряв интерес к теме. Но он успел заронить зерно интереса в торговца.

«О, давай подплывай и хватай наживку, жирная рыбина...»

– Неужели все продажи должны проходить через Оценочный аукцион? – Торговец поколебался и откашлялся. – Твой друг никогда не продавал частицы плоти божества... напрямую?

Харк напустил на себя сначала удивленный, потом задумчивый вид, с опаской огляделся и наклонился ближе к торговцу:

– Ну... закон гласит, что все сделки должны идти через Оценочный аукцион. Если кто-то узнает о прямой продаже, будут проблемы... Но... вы хотите, чтобы я потолковал с приятелем?

– Если тебя не затрудит, – ответил торговец с горящими глазами.

Попался.

Харк знал людей, способных смастерить все, что бы он ни попросил. Кусочек панциря омара, покрытый глянцем, чтобы придать ему вид невероятной редкости. Для правдоподобия поверх приклеивались черненые блюдечки. Торговец успеет объехать еще несколько островов, прежде чем заподозрит, что сувенир – фальшивка. Но не будет ли он даже тогда в глубине души по-прежнему верить в подлинность сокровища-сувенира? Ведь в этом случае он с чистой совестью сможет хвастаться друзьям: «Видите? Это частица Сокрытой Девы. Я был там, когда ее поднимали на поверхность из морской глубины».

Зачем отказываться от такой захватывающей истории?

– Харк! – донеслось снизу башни.

Харк от неожиданности подскочил. Этот голос он знал лучше всего на свете. Голос, принесший мгновенное облегчение. Джелт жив и здоров! Ну конечно! Однако прилив радости почти сразу схлынул, и на сердце камнем легла тяжесть. Еще секунда, и он подумал, не притвориться ли ему, будто он не слышит.

– Эй, Харк!

Башня зашаталась, будто кто-то стоявший у ее основания дважды ударил по ней кулаком. Харк повернулся и посмотрел: действительно, там стоял Джелт. Было странно смотреть на него сверху вниз. Он старше Харка и всегда был выше, но за последние три года жизнь схватила его за щиколотки и за голову и будто вытянула в высоту еще больше, сделав тощим, раздражительным и злым. Даже когда он был неподвижен и казался спокойным, ощущался исходивший от него гнев. Выражение лица обычно было рассеянным, но напряженным, словно он прислушивался к шепоту мира, в котором что-то его раздражало. Когда Харк находился рядом с ним, его не покидало ощущение, будто он в чем-то провинился, и даже если умом он понимал, что это не так, нужно было вести себя очень осмотрительно, чтобы не дай бог не вывести Джелта из себя.

Джелт поднял руку и энергично поманил Харка к себе. Тот немного поколебался, раздраемый противоречиями, неловко улыбнулся торговцу и помахал Джелту.

– Рад тебя видеть! – крикнул он приятелю. – Поговорим позже, ладно?

Он бросил краткий многозначительный взгляд на торговца: «Не сейчас, Джелт. У меня здесь дельце». Но Джелт покачал головой: «Спускайся немедленно!»

– Шутишь?! – прошипел Харк.

– Спускайся!

Джелт снова треснул кулаком по дереву башни:

– Поторопись!

Зеваки, пристроившиеся на башне, стали возмущаться. Харк скрипнул зубами, извинился перед торговцем, пообещав найти его позже, и стал спускаться. Вскоре он вслед за приятелем проталкивался через толпу. Так получалось, что Харк всегда ввязывался в делишки Джелта по самую шею, словно во сне подписал какой-то договор.

– Я подцепил этого иностранца на крючок! – проворчал Харк, когда парочка поднималась по узким каменным ступенькам к одному из утесов с возвышавшимся над ним маяком. – Неужели нельзя подождать, пока я не вытащу рыбку на берег?

Джелт весело фыркнул.

– Ты злишься потому, что я оторвал тебя от подружки! – воскликнул он: старая шутка – намек на то, что Харк влюблен в Сокрытую Деву. – Ну ты и романтик! Да не дуйся. Я говорил, что сегодня у нас другое дельце!

– В таком случае где ты был все утро? – огрызнулся Харк. – Я прождал целую вечность!

– Держался кое от кого подальше, – коротко ответил Джелт.

Последнее время он пользовался большим спросом. Незнакомцы с холодными глазами искали его, и вовсе не для того, чтобы пожалть руку. Иногда это были люди губернатора, иногда – те, кто вообще не утруждался представляться. Все началось с той ночи на илистом берегу – ночи, о которой Харк и Джелт никогда не говорили. Харк почувствовал: Джелт испытывал его, не осмелится ли он спросить об этом сейчас, но Харк не попался на удочку.

– Отделался от них? – спросил Харк вместо этого.

– Да, – кивнул Джелт, веселый настрой которого мгновенно сменился мрачным. – Давай быстрее!

В жизни все идет своим чередом, и Харк верил: чему быть, тому не миновать. Если тебя несет течением, не стоит с ним бороться. Поддаться потоку, играть с ним, позволить ему направлять тебя в ту сторону, где можно чего-то добиться, – да. Бороться с течением в открытую – нет. Поток по имени Джелт увлекал его за собой сильнее других. Харк почему-то не мог ни ускользнуть, ни выпрыгнуть из него, притворяясь при этом, что делает именно то, чего хочет от него Джелт. Хотя с другими ему это удавалось. «Я и не хочу притворяться, – решительно сказал он себе. – Джелт – семья». Однако сразу же напомнил себе, что не стоит никому доверять.

На вершине холма, скрытые одной из дозорных башен, их ожидали четверо. Сердце Харка упало, едва он узнал предводителя, женщину лет сорока, с сурово поджатыми губами и густой россыпью веснушек, покрывавших не только лицо и руки, но даже кожу под волосами. Безжалостные, отчаянные вылазки ее банды – банды контрабандистов – наполняли жителей Ледиз-Крейва страхом и смутным чувством гордости. Все пятеро детей Дотты, даже самые маленькие, могли получить бесплатное угощение в любом заведении острова, и не то чтобы жители угощали их только из страха.

Харк сам слышал, как люди постарше, пытаясь разгадать тайну ее успеха, говорили о Ригг с трепетом и презрением одновременно. «Она ходит по острию ножа. Слишком рискует, никого не слушает. Кто еще, кроме нее, во имя бездны, захочет быть знаменитой контрабандисткой?»

– Капитан Ригг, – приветствовал Харк в надежде, что голос звучит уверенно, но почти-тельно. В какое бы безумие ни втравил его Джелт, лучше вести себя так, будто ему все поручения по плечу.

Он заметил серьги из стали и резных раковин, которые гордо носили несколько спутников Ригг, и понял, что они, возможно, поцелованы морем. Люди, проводившие много времени под водой или в субмарине, часто теряли слух – признак бывалых и, как правило, уважаемых акванавтов.

– Вы хотели видеть нас?

Харк перешел на язык жестов Мириеда. Многие поцелованные морем до некоторой степени могли читать по губам, но в такой ситуации перейти на язык жестов значило проявить вежливость. Поскольку поцелованных морем на Мириеде было очень много, практически все островитяне понимали язык жестов, хотя в зависимости от острова знаки слегка отличались. Харк более-менее знал язык, который был принят здесь, на Ледиз-Крейве, но всегда чувствовал себя неловко.

– Да, хотя я готова отказаться от этой затеи. – Ригг шумно выдохнула. – Мы ждали почти час! Постарайтесь не опаздывать вечером!

Она поманила Харка и Джелта ближе, и все шестеро машинально встали в плотное кольцо, чтобы знаки нельзя было прочесть на расстоянии.

Сегодня вечером? События разворачивались куда быстрее, чем боялся Харк.

– Ни в коем случае, – отозвался Джелт. Ни объяснения причин, ни извинений, лишь небесно-голубой взгляд.

Ригг показала в сторону других мысов.

– Эта, – пробормотала она вслух, имея в виду ближайшую сигнальную башню, – и та, что за ней. Нужно выключить свет на обеих башнях через час после того, как выпалит пушка. Под выступом скалы есть путь к тому маяку, что подальше. Видите уступ под красной прожилкой? одному из вас придется пройти по нему. Пользоваться тропой, идущей по скале, нельзя, иначе вас увидят.

Харк мгновенно сообразил, о чем речь, и сразу пожалел о своей догадливости. В горле пересохло. Он молча кивнул, сиюсь выглядеть как можно безопаснее. Неужели Джелт специально опоздал на встречу, чтобы у Харка не было шанса отказаться? Четверо весьма опасных людей ждали их на холоде, и у него не хватило храбрости сказать, что они зря потратили время.

– Это нужно сделать сегодня? – спросил Харк, с теплотой вспоминая о доверчивом, покинутом им торговце.

– Конечно, – отозвалась Ригг. – Люди губернатора будут заняты, не так ли?

Она права, согласился Харк. Большая часть губернаторской охраны, скорее всего, будет на пристани стеречь «Дитя бездны» и наблюдать за пакгаузом, куда положат драгоценный груз. Кроме того, им наверняка поручат следить, чтобы никто не нырял в гавань в поисках упавших частиц Сокрытой Девы. Значит, очень немногие стражники будут патрулировать скалы и бухты.

– Завтра все они будут торчать на Оценочном, продавать товар, выловленный субмариной «Дитя бездны». Гарантирую, – продолжала Ригг. – А потом патрули вернутся и с новой силой примутся за дело. Так что дельце нужно провернуть сегодня ночью.

– Без проблем, – заверил ее Джелт.

– Ты даже не сказал, – с горечью пробормотал Харк; уже начало темнеть, небо стало мрачным, как и настроение Харка. – Ты ничего мне не рассказываешь, Джелт.

– Некогда было, сам не видишь, что ли? И опоздали мы только потому, что я потратил кучу времени, пока искал тебя в той толпе.

– У тебя было время сказать мне, – стоял на своем Харк, заранее зная, что спорить глупо. Если уж Джелт уперся, переубедить его было бесполезно.

– Послушай, – продолжил Джелт, – вот как мы поступим. Спрячемся на склоне холма, а как придет время, заберемся наверх утеса, поближе к первому маяку, я останусь там, а ты пройдешь по карнизу ко второму и как можно быстрее собьешь фонарь. А я разберусь со своим, как только твой погаснет.

– Не понимаю, почему я должен идти по этому карнизу, – пробурчал Харк.

– Шутишь? – Джелт замер на месте и уставился на Харка широко раскрытыми злыми глазами. – Харк, я пытаюсь показать Ригг, на что ты способен! Думаешь, я не мог бы договориться с кем-то другим? Я привел тебя, потому что мы друзья. Ты неплохо лазаешь по скалам, а после сегодняшней ночи вся банда Ригг тоже об этом узнает.

Несмотря на досаду, Харк волей-неволей смягчился от такого комплимента.

– В любом случае, – продолжал Джелт, – над этим карнизом проходит выступ. Ты ниже меня ростом, значит, тебе будет проще. А еще тому, кто будет скрываться возле первого маяка, придется долго ждать там и разбить фонарь, что бы ни случилось. Что ты будешь делать, если

вдруг нагрянут люди губернатора? Улыбнешься им пошире? Расскажешь занимательную историю?

– А ты что будешь делать? – огрызнулся Харк. – Столкнешь всех с обрыва?

Джелт слегка пожал плечами и зловеще ухмыльнулся. «Я-то смогу, – говорила ухмылка, – если захочу». Он всегда так себя вел, если начинало пахнуть жареным. Напускная храбрость с легким оттенком угрозы. Вроде и шутит, а вроде нет. Никогда не знаешь наверняка.

– Почему они хотят, чтобы мы погасили свет? – буркнул Харк.

Огни сигнальных башен когда-то зажигали для богов, чтобы молиться. «Пожалуйста, позвольте нашим кораблям проплыть спокойно. Не поднимайтесь из глубин в своем устрашающем величии. Мы умилим вас, мы насытим вас...»

Многие острова Мириета давно разрушили свои сигнальные башни как символы ушедшей печальной эпохи. Однако губернатор Ледиз-Крейва недаром слыл человеком практичным. Он сохранил башни, модифицировал и добавил линзы, чтобы они отбрасывали свет, пусть и неяркий, на бухты, облюбованные контрабандистами для ночных налетов.

– Они промышляют чем-то таким, чему не нужны посторонние взгляды, – медленно и отчетливо произнес Джелт, стараясь не выходить из себя, хотя в тоне сквозили нотки нетерпения. – Может, мы и узнаем, что это, когда докажем, чего стоим.

Харк все колебался, и Джелт вскипел:

– Да не будь же ты тряпкой, Харк! Или я пожалею, что взял тебя с собой! Ты идешь в гору! Или у тебя другие карьерные планы? Хочешь всю жизнь провести, питаешься объедками с чужого стола и выпрашивая пенни на пристани, как те сосунки, пока не постареешь и не умрешь с голоду?

Харк прикусил щеку, молча признавая правоту Джелта. В глубине души Харк, несмотря ни на что, надеялся, что его ждет необычное и странное, но все же запоминающееся и яркое будущее.

Хоть Харк ощущал глубокую любовь к Ледиз-Крейву, он часто мечтал отправиться на Сайрен или Мэлпис, острова побольше и оживленнее, чтобы начать там новую, лучшую жизнь. Каждый день он видел здесь людей, у которых раньше, возможно, были схожие мечты и желания, но которые так и не уехали и ничего не добились.

Дряхлые женщины и мужчины в мокрых лохмотьях, собиравшие моллюсков или просившие подаяние... Их глаза напоминали озера разочарования. При виде таких, как они, у него внутри все сжималось и собственные мечты становились зыбкими.

Но ведь он уже успел кое-чего добиться в жизни, не так ли? Он больше не околачивался вокруг детского приюта, выпрашивая еду или место для ночлега. Он делил с приятелями лачугу за фабрикой клея, выше границы прилива. Лачуга была довольно теплой благодаря тому, что прямо за стеной располагались печи фабрики. Вероятно, ребята рано или поздно выгонят его на улицу, когда найдут более выгодного союзника, чем он, но в жизни бывает и не такое. Если люди ополчились на тебя, значит, пора искать другую компанию – такую, которая поможет тебе удержаться на плаву. На свете нет ничего постоянного. И никого. Кроме Джелта.

Харк и Джелт потеряли родителей одной особенно суровой зимой, и это их сроднило. Иногда Харк чувствовал, что они больше чем друзья, их судьбы будто переплелись помимо их воли. Брошенные дети были вполне заурядным явлением, но родной остров оказал им в детстве, может быть, мизерную, но все-таки помощь. Им разрешали ночевать в приюте и кормили один раз в день. Время от времени моряки бросали им остатки еды и закрывали глаза на то, что сироты ночуют в их лодках. Даже береговые мусорщики изредка позволяли самым младшим нырять в прибрежные водоемы и вылавливать морских ежей и моллюсков. Но когда тебе исполнялось семь-восемь лет, ты лишался помощи и поддержки. Считалось, что ты уже достаточно взрослый для того, чтобы самостоятельно заботиться о себе, а если бы ты вдруг

вздумал мародерствовать на территории, давно поделенной между собой местными бандами, тебе бы пришлось худо.

В случае Харка этот момент наступил, когда ему исполнилось девять: первый урок – полезно выглядеть маленьким и безобидным. Но здесь же таится опасность: тебя слишком просто принять за жертву. Легкую добычу. Харк выжил потому, что многие были наслышаны о его психованном приятеле, который не боялся взрослых мужчин и даже однажды попытался камнем выбить обидчику зубы.

Джелт помогал Харку держаться на плаву. Только благодаря Джелту Харк вообще до сих пор был жив. Джелт мог за одну секунду взять себя в руки и справиться со страхом, а в следующую уже снова потерять самообладание. Джелт всегда строил грандиозные планы, иногда переоценивая свои силы.

– Нам нужно двигаться дальше, – заявил он, – иначе ничего не добьемся. Нужно взять этот мир за глотку, иначе за глотку схватят нас.

Несколько часов спустя оба прятались под выступом утеса, наблюдая, как сгущаются сумерки. Джелт не чувствовал страха, когда речь шла о ночных вылазках. Харк же боялся, хотя у него хватало ума не подавать виду.

Он пытался преодолеть страх, рассказывая истории. Он представлял, что их приключения позади, все обошлось, он выжил и описывает произошедшее взволнованным его рассказом посетителям таверны, обожающим его. Эти мысли успокоили Харка и немного замедлили пульс. Он был героем, а значит, все будет хорошо. На самом деле все и так было неплохо. Пока никакой опасности не было, он зря переживал.

«Мы целую вечность просидели под выступом, – рассказывал он онемевшей от изумления воображаемой публике. – Слышали, как выстрелила вечерняя пушка, наблюдали, как темнеет небо, как разразилась гроза над Ру и Хиллбрейком...»

По небу расплзалась желтизна такого цвета, какого бывает заживающий синяк, бледные ленты дальних ливней опустились на горбатые спины соседних островов. Он уже слышал стук дождя по выступу и видел, как темные пятна расплываются по камням скал.

Их первое укрытие было на полпути к мысу. Джелт восхищенно смотрел на море с таким невозмутимым видом, какой принимал всегда перед тем, как совершить что-либо особенно глупое и опасное. Только его загрубевшие пальцы постоянно шевелились. Он был совершенно спокоен, но полон энергии и держал ухо востро.

– Идем, – неожиданно сказал он.

Пора. Джелт обладал животным чутьем на подобные вещи. Они вышли из-под выступа. Харк мгновенно ощутил ледяные уколы падавших на лицо и руки капель – иголки дождя с морозным жалом в каждой капле.

«Нам пришлось добираться до мыса вдоль обрыва, – объяснял Харк невидимым будущим почитателям, – чтобы нас не заметили. А это было нелегко, тем более что дождь так и хлестал, заливая глаза, а камни становились скользкими».

Темный склон над ними был усеян пятнистыми бело-серыми камнями, они выдавались из земли, а иногда даже срывались вниз. Между камнями изгибались скрученные крошечные деревца, как узловатые знаки вопроса. Пучки их игольчатых листочков дрожали на влажном ветру. Серый морской чертополох звездочками светился в темноте. Мягкие грибы-дождевики походили на камни, но рассыпались, стоило сжать их в руке. Осот³ держался в земле; чтобы не потерять равновесие, можно было схватиться за него, но он царапал ладони и пальцы.

³ Осот – дикорастущая трава с крупными колючками.

Харк продолжал взбираться наверх, хотя руки уже онемели, а зубы стучали. «Я думал, зачем в это все ввязался? Но не мог же я уйти и бросить Джелта в беде, верно? Без меня он бы погиб».

Нельзя, родившись на острове Ледиз-Крейв, не научиться карабкаться на утесы. Иначе как без этого добираться до гнезд морских птиц на восточных скалах? Утесы и гладкие скалы бухт – те территории, где можно было себя проявить, чтобы занять свое место в круговороте жизни.

Например, можно прыгнуть со Скалы плакальщиц и падать целую секунду, прежде чем море на миг вышибет из тебя дух. И если ты способен взбираться на утесы, ты можешь опережать на два шага все беды и опасности, а заодно и людей, которые жаждут вернуть свои вещи.

Харк повернул голову и увидел, как Джелт, сосредоточенно хмурясь, лезет выше. Харк был более ловким и легким, зато Джелт – более сильным и безрассудным. Так что Харк всю жизнь стремился не отстать от Джелта.

«...и, конечно, уже стемнело, так что мы почти не видели, куда ставить ногу...»

Они решили двигаться по расщелине в виде зигзага, потому что в ней было больше точек опоры и она была достаточно глубокой, чтобы в нее не попадали лучи маяка. Правда, ближайšie склоны все-таки были освещены. Масло от фонаря маяка давало грязно-лиловый луч, так что тени приобретали темно-оранжевый оттенок.

Когда расщелина стала настолько узкой, что вместе уже было не проползти, Джелт вырвался вперед. Продумывая маршрут, они не учли дождь. Расщелина служила стоком для воды, и Харк уже чувствовал настойчивые струйки, бегущие под холодными пальцами, и слышал перестук камешков, вымываемых из влажной почвы.

Джелт немного сдвинулся, чтобы надежнее поставить ногу в трещину, и фиолетовый свет ударил в глаза Харку. Он с удивлением обнаружил, что они уже почти достигли вершины, и загородился от света ладонью. Вспышка оставила на сетчатке глаза спирали, плывущие подобно оранжевой рыбе в темном море.

Именно здесь должен спрятаться Джелт. Подтолкнув Харка, он показал на склон утеса. Харк прищурился, силясь разглядеть дорожку сквозь потоки дождя. Вот он, огромный широкий выступ, а ниже – узкий карниз. Джелт слегка хлопнул Харка по спине – молчаливый знак дружеской поддержки.

Теперь Харк продолжал свой путь один по скользкой от дождя тропе, при неверном ночном свете. Ему предстояло добраться до другого маяка. На расстоянии он не понимал, насколько низко висит над карнизом выступ и насколько узок карниз. Но дороги назад не было.

«...так что представьте, я прижался к мокрой скале и иду по карнизу шириной в три пальца. При этом иногда сгибаюсь в три погибели, потому что выступ местами провисает. А слева обрыв...»

– Паршивый, дурацкий план, – прошептал Харк, смагивая воду, ощущая, как влажный земляной карниз хлопает и скользит под ногами.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем он миновал яркую белую жилку в скале и осознал, что прошел только треть пути. Харк с тошнотворным ужасом подумал, что движется слишком медленно. Чем дальше он будет добираться, тем вероятнее, что Джелта засекут. Отчаянно игнорируя инстинкт самосохранения, Харк стал двигаться быстрее и больше не останавливался, чтобы проверить каждую опору. Он может сделать это. Он сделает это. Он...

Он так и не понял, что именно его подвело. Зашатавшийся камень, мокрая подошва? Но неожиданно он потерял равновесие. Уступ ободрал ему колено и бедро. Пытаясь зацепиться за карниз, Харк расцарапал руки. Но тут мокрые пальцы вцепились в скрученное молодое деревце. Другая рука нащупала небольшую щель. Ноги беспомощно болтались над омытым дождем обрывом, скользя об утес.

Деревце было слишком хилым, чтобы удержать его. Он видел, как оно прогибается, как лопается кора, как растягиваются белые волокна. Оно сломается, и он полетит вниз. Харк был в нескольких секундах от истории, которую он не сможет рассказать.

«Знаешь того паренька, Харка?» – «Нет. Который это?» – «Тоший. Коротышка. Много болтает. Прошлой ночью свалился с обрыва. Размозжил себе голову. Рыбы пировали целый день, прежде чем его нашли». Кто-то с сожалением прищелкнет языком, другой что-то буркнет или весело фыркнет. И на этом все. Конец истории.

«Ну уж нет, – подумал Харк, в душе которого поднималось что-то упрямое и отчаянное. – Нет! Я герой! Я чертов герой!»

Он отнял руку от ненадежной опоры в щели и нашарил у пояса рогатку. Его вес пришелся на другую руку. Послышался треск дерева. Харк почувствовал, как скользят его пальцы, но отчаянным рывком забросил вперед рогатку, так что она запуталась в дереве покрепче, которое росло чуть выше. Отпустил сломившееся деревце и потянулся к болтавшемуся концу рогатки. Поймал и подтянулся, так что сумел схватиться за ствол другого дерева, после чего мучительно долго залезал на карниз.

Он потерял драгоценные секунды, сидя здесь со ссадиной на щеке, прижимаясь к мокрой скале, дрожа и борясь с приступом тошноты.

– Герой! – вызывающе прошептал он, моргая слезящимися глазами.

Только когда он неловко поднялся на ноги, то сообразил, что рогатки нигде не видно. У него нет времени на поиски. Рогатка почти наверняка свалилась в пропасть. Харк торопливо поковылял вперед, не обращая внимания на ноющие руки и дрожащие ноги.

Когда наконец выступ над его головой сменился звездным небом, Харк не мог поверить своему счастью. Он поднялся по небольшому желобу и увидел тускло освещенный мыс, фиолетовый, как вена мертвеца. На мысу возвышалась сигнальная башня – каменная колонна с металлическим, напоминавшим клетку сооружением над ней. На самом верху стоял металлический корпус фонаря с большой круглой линзой. К облегчению Харка, вокруг никого не было видно.

Харк припустил дальше, ноги скользили по мокрой траве. Схватил камень и швырнул его повыше. Увы, камень не достиг цели и загремел вниз. Вторая попытка тоже не удалась. Без рогатки ему не попасть в фонарь.

Харк глянул в сторону другого мыса. Если не разбить фонарь, Джелт застрянет в укрытии рядом со второй башней. Рано или поздно появится патруль, и что-то случится... с Джелтом или кем другим. «Поэтому, – сказал он воображаемым слушателям, – я понял, что мне остается только одно...»

Уставший Харк, пошатываясь, подбежал к башне и принялся взбираться по ней на самый верх. Часть башни, состоящую из камня, было легко одолеть. Строительный раствор выветрился и потрескался, так что между камнями было полно опор для ног. Но когда он добрался до металла, все стало сложнее. Пришлось руками и ногами обхватывать мокрые металлические столбы и подниматься не спеша, используя для опоры покрытые ржавчиной участки. Люди губернатора пользовались лестницами для того, чтобы зажигать фонари, а потом забирали их с собой, чтобы никто не пытался залезть на башню.

Добравшись до вершины, Харк наскоро сломал металлический корпус, вытащил фонарь и сбросил вниз. Фонарь пролетел тридцать футов и разбился вдребезги. Жидкость вытекла, расплескалась по каменному основанию, маленькие розовато-лиловые огоньки несколько минут плясали над ней, прежде чем окончательно погаснуть. Через десять минут фонарь на другом мысе вспыхнул и погас. Рогатка Джелта сделала свое дело.

«Значит, он жив. Теперь может удрать, и я тоже...» Харк слезал с башни, когда увидел скопление оранжевых лучей, трусцой двигавшихся к нему. Люди губернатора добрались до основания башни и окружили ее, пока Харк висел на металлическом корпусе, обняв башню

руками и ногами. Он никак не мог отдышаться и дрожал от холода, пронизывавшего каждую ссадину и каждый порез. Похоже, он расскажет историю не в таверне, среди друзей, а прямо здесь и сейчас, под дождем, при бьющем в глаза свете фонарей.

Это должна быть очень хорошая история. И главное, такая, в которой не упоминается Джелт.

Глава 2

Как выяснилось, эта ночь была неудачной не только для Харка. Арестованных прибыло столько, что губернаторская тюрьма оказалась переполненной, и, когда Харка притащили в город, пришлось бросить его в одну из дополнительных «камер» – квадратную яму с решеткой из тяжелых деревянных брусьев наверху. Половина решетки была накрыта парусиной, немного защищавшей от дождя, но земляной пол уже превратился в грязное месиво. В этой дыре Харк и провел холодную мучительную ночь, гадая, что с Джелтом – убит ли он или только задержан?

Наконец взошло солнце, через час после рассвета решетку подняли, а его вытащили наружу. Вокруг стояло множество вооруженных людей губернатора. Вид у всех был скучающий – наверное, чтобы Харку не пришли в голову безумные идеи бежать и пытаться штурмовать стены двора. Вместо этого он напустил на себя храбрый и мужественный вид, но его тотчас окатили ведром ледяной воды и вручили смену сухой, хоть и убогой одежды.

– К чему такая роскошь? – выдавил он, стуча зубами. – Меня усыновляют вельможи?

– Бери выше, – криво ухмыльнулся страж. – Тебе предстоит Оценочный.

Сердце Харка сделало кульбит. Конечно, сегодня утром Оценочный аукцион! Ригг так и предполагала. С аукциона будут продавать останки Сокрытой Девы, прежде чем предпримут очередные поиски частиц богов. Но продавать будут не только боготовар. События разворачивались быстрее, чем ожидал Харк, он был к ним не готов. Он знал, что суда ему не устроят. На Ледиз-Крейве криминальные дела передавались одному из губернаторских судей, который выслушивал показания стражников и сразу же принимал решение, не напрасно ли тебя арестовали. Суд мог бы состояться только в том случае, если судья сочтет, что стражники что-то напутали, или если за тебя замолвит словечко влиятельная персона.

Харк решил, что его допросят. Когда стоишь лицом к лицу с допрашивающим, можно понять, что побуждает его ставить галочки в своих записях, можно рассказать историю, которую он хочет услышать, можно заключить что-то вроде сделки... но, очевидно, этому не бывать. Камеры переполнены, так что губернатор решил очистить их, а заодно заработать. Заключение будут оценены и проданы. Харка вместе с дюжиной других нарушителей закона погнали через рынок и дальше, вверх по холму. Среди них точно не было Джелта, и Харк не узнал ни одного из банды Ригг – вероятно, всем удалось ускользнуть. Но он-то тоже еще не был мертвецом. Нужно держать ухо остро. Отчаяние – отрава. Стоит подумать, что худшее неизбежно, – все, ты мертвец.

Брошенный кем-то камень больно задел ухо. Харк вздрогнул, но не обернулся – какой смысл рисковать своими глазами? Ругнувшись, он не принял произошедшее на свой счет, ведь и сам иногда швырялся камнями в пойманных преступников. Не по злобе, просто потому, что мог это себе позволить. Ему не приходило в голову, что не стоит этого делать, потому что и сам он однажды мог оказаться закованным в цепи узником и камни тогда будут бросать уже в него. Мало того, в глубине души он был уверен, что рано или поздно займет это место. Возможно, именно поэтому Харк с упоением пользовался возможностью бросать камни.

Ухо болело. Он был рад, что не видел обидчика. Окажись это кто-то из знакомых, ему стало бы еще обиднее. Когда процессия заключенных приблизилась к аукционному дому на вершине холма, во рту Харка пересохло. Всю свою жизнь Харк видел это здание, возвышавшееся на горизонте, но внутри был лишь несколько раз.

Большое старое сооружение было неправильной формы. Крышу будто раздуло, щели в окнах напоминали трещины в каминной кладке. Так и должно выглядеть место, которое некогда считалось священным. В большом зале жили главные священники острова, здесь они писали указы и выбирали будущих жертв. Как еще могло выглядеть такое строение? Даже спу-

стя десятилетия после смерти богов все прекрасно понимали: то, что свято, всегда искажено. У богов была своя красота, в глазах, умах и душах обывателя приобретающая уродливые формы.

Когда губернатор захватил власть на острове простым и честным способом – наводнив землю вооруженными людьми и объявив, что отныне он повелевает всем, ему хватило ума не делать огромное здание на вершине холма своей резиденцией. Вместо этого он поселился в опрятном белом кирпичном доме недалеко от пристани, окруженном высокой стеной. Губернатор понимал, что здание священников слишком напоминает болезненное прошлое. Оно было его недостойно.

Губернатор превратил пустующее здание в аукционный дом. Мелкие аукционы устраивались каждую неделю. Здесь продавались разные грузы, как обычные, так и трофейные, поднятые с затонувших судов, а также конфискованные товары. Оценочный аукцион всегда был грандиозным событием: на нем можно было купить суда и субмарины, предметы роскоши, лучший боготовар и... преступников. Жители Ледиз-Крейва умели приспособливаться как никто другой. На сегодняшний день единственное, в чем они перещеголяли жителей других островов, был криминал, но даже на нем они нашли способ поживиться.

Сегодня Харка выставят на продажу – хорошего мало. Но если не найдется достойных покупателей, он обречен. Вообще на Мириде рабство было запрещено. Однако если вас, как Харка, объявляли виновным в преступлении, то могли продать в качестве наемного слуги – в кабалу. Жители всех островов Мириде признавали силу кабальных договоров, иначе как бы они могли купить преступников для работы, которую никто не хотел выполнять? Чем серьезнее преступление, тем дольше срок службы. Попытайтесь сбежать – поймают и вернут «хозяину», который может вас наказать, а то и продать кому-то, кто станет обращаться с вами еще хуже. Всегда найдется такой человек.

Большой зал был спроектирован таким образом, что все посетители, оказавшись там, ощущали себя меньше муравья. На этом ловил себя каждый, переступив порог. Он был слишком просторным – просто громадным. Чересчур высокий сводчатый потолок, узкие и длинные окна, сквозь которые проникало слишком мало света. Даже две дюжины рядов скамей, поставленных для покупателей, заполнили только половину зала. Толпа людей терялась в нем. Голоса отражались от стен странным эхом, которое звучало более высоко и испуганно. Харк представлял, как они, охваченные ужасом, бьются в воздухе, теряясь в тенях.

Губернатор сделал все что мог. Стены зала теперь были покрыты белой штукатуркой, правда, местами она отвалилась под действием сырости, обнажив фрагменты старых красно-черных фресок. Дюжина мрачных железных канделябров проливала свет на уровне голов, но почти не рассеивала бесконечную мглу над ними.

Помещение имело слишком много шрамов прошлого. Посреди пола когда-то было большое овальное, заполненное морской водой углубление, в котором священники и жертвы проводили ритуал омовения. Губернатор предусмотрительно приказал залить его цементом, но все про него помнили, к тому же новый кафель цвета терракоты ярко выделялся на фоне старых серых каменных плит. Кроме прочего, отчетливо были заметны ряды мелких впадин в полу, ведущих от двери к бывшей чаше для омовений и далее, к арке в глубине зала. Веками священники шли по следам своих предшественников, отчего камни стоптались под их босыми ногами.

Харк чувствовал себя обреченным, как и любая жертва, хоть его и не вели по этим роковым впадинам. Несчастных преступников потащили вдоль стены зала, чтобы не прерывать продажу какого-то судна под названием «Попутный ветер». Их испуганную стайку поставили недалеко от кафедры аукциониста и гигантских счетов, показывавших очередную ставку.

Пока аукционист что-то бубнил, Харк попытался оценить публику, и настроение у него упало ниже некуда. Это была вялая утренняя толпа. Многие дремали или болтали друг с другом, кто-то читал. Первые несколько рядов скамей были забиты, но Харк догадался, что эти

покупатели, вероятно, пришли пораньше, чтобы занять лучшие места к продажам трофея с судна «Дитя бездны», которые должны были состояться попозже. Они хотели урвать себе кусочек Сокрытой Девы или хотя бы взглянуть на нее вблизи.

Он поймал себя на том, что ищет знакомые или как минимум дружелюбные лица, хотя понимал, что вряд ли найдет. Джелта, разумеется, не было и в помине. Скорее всего, он залег на дно вместе с бандой Ригг. Харк не осуждал друга, хотя без Джелта он острее чувствовал одиночество.

Пока Харк глазел по сторонам, торги на «Попутный ветер» подошли к концу. Единственная, робко поднявшаяся из публики рука. Единственная костяшка счетов, показавшая сделанную ставку. Аукционист без особого энтузиазма призвал повысить ставки, но тут же объявил судно проданным.

– Далее аукцион кабальных слуг, – произнес он со своей старой кафедры.

Каменная кафедра была украшена необычной резьбой из капель, казалось, будто она подталяла, только капли стремились вверх, игнорируя законы тяготения.

Стайка преступников, выстроенная цепочкой, шагнула вперед. В какой-то безумный момент Харк подумал: что, если преступники разом ринутся к двери? Хотя он был уверен, что знает ответ. Наверху, на высокой галерее, стояли люди губернатора; на пневматических ружьях блестели круглые медные баллончики сжатого воздуха. Стражники стояли в расслабленных позах и позевывали, но наверняка они станут более бдительными, если живой товар решит разбежаться.

Харк отчаянным взором оглядел покупателей. Большинство даже не подняло глаз. Некоторые посмотрели на него, но тотчас их взгляд скользнул к преступникам постарше и сильнее на вид. Наверняка Харк показался им тощим недомерком, от которого не будет толку, – напрасная трата еды и крыши над головой. Кроме того, возможно, он не вызывал доверия.

Почти все сидевшие в первом ряду внимательно следили за аукционистом и преступниками, но это было в порядке вещей. По безмолвному уговору переднюю скамью всегда оставляли для поцелованных морем, чтобы им было легче читать по губам. Приезжие с континента, не ведавшие об этом неписаном правиле, обычно никак не могли взять в толк, почему все в зале, проходя мимо них, старались побольнее наступить им на ноги или наклониться пониже, чтобы выпустить в лицо сигарный дым. Но сегодня ничего подобного не происходило – значит, в первых рядах сидели только поцелованные морем.

Вскоре Харк заметил, что одна из них смотрит прямо на него. Девочка, ровесница Харка или чуть помладше, невысокая, темноволосая и худая, с большими глазами и пристальным взглядом. Харк обратил внимание на россыпь веснушек, покрывавших ее лицо, руки и шею. Лишь одна семья на острове могла похвастаться такими веснушками. «Должно быть, одна из дочерей Ригг. Что она тут делает? И почему уставилась на меня?»

Харка вдруг осенило, не пришла ли она сделать ставку на него от лица банды Ригг. Но то были пустые надежды. Все знали, что губернатор велел арестовывать людей при малейшем подозрении, что они выкупают своих сообщников, поэтому никто бы не рискнул. «Нет, она здесь для того, чтобы я понимал: люди Ригг следят за мной. Если выдам их, они все узнают. Эта девчонка – предостережение».

В паре рядов от себя Харк с упавшим сердцем отметил несколько покрытых шрамами физиономий, они смотрели на него испытующе. Эти люди за гроши скупали остатки живого товара и выгодно продавали его на галеры. Каждый, кого они купили, был обречен провести весь срок своего заключения в темном брюхе судна или субмарины, прикованный к веслу. Многие не выживали, а те, кому это удалось, выходили на волю со скрюченными конечностями, полуслепыми и полубезумными.

Рядом с ними сидел высокий мужчина с тщательно ухоженной бородкой и в дорогом пальто. Один из преступников прошептал, что это владелец шахты на Мэлписе, который иногда

покупал молодых преступников, чтобы они пролезали в особо опасные узкие щели. Звучало не лучше, чем галеры.

– Первый лот! – объявил аукционист. – Харк, другой информации нет. Преступление: прошлой ночью разбил два фонаря сигнальных башен. Три года.

– Три года? – вырвалось у Харка.

Резкое эхо спиралью поднялось вверх, где его поглотили тени. Он боялся, что дадут год, но три... «К тому времени я наверняка буду сломлен, – тоскливо подумал он. – Так долго на галерах я не выживу».

Должно быть, ему суждено послужить примером. Губернатор, по всей вероятности, посчитал вандализм личным оскорблением. «Не сдавайся, – одернул он себя, борясь с подступившей паникой. – Ты еще не умер».

Его отцепили от остальных преступников и вытолкнули вперед. Он старался дышать ровно. «Там должен быть кто-то еще!»

– У кого-то есть вопросы к заключенному до начала торгов? – спросил аукционист с видом человека, у которого впереди тяжелый день.

Большинство покупателей снова уткнулись в каталоги.

– Нет? В таком случае...

– Нельзя ли сказать слово в свою защиту? – с отчаянием перебил его Харк.

– Ты не на суде, парень, – откликнулся аукционист; по скамьям пронеслись смешки.

– Но они даже не знают, что я сделал! – Сердце Харка громко колотилось. – Не знают, почему я это сделал. Не знают как!

«Ну пожалуйста, давайте, глотайте мою наживку!» Харк обшарил публику взглядом, выискивая малейшие признаки заинтересованности. Муж и жена в заднем ряду хмурятся и перешептываются. Думают купить или просто осуждают его? Женщина средних лет в добротном жакете из коричневой шерсти крутит в руках что-то вроде монокля на цепочке и полузакрытыми глазами наблюдает за происходящим, как театралка, ожидающая начала спектакля. Или она просто дремлет? Двое в куртках из тюленьей кожи – наверняка с Северного Мириеда – тихо смеялись и поглядывали в его сторону. Если Харк для них предмет шуток, можно ли попытаться использовать это, чтобы расположить их к себе?

«Если затеять игру со всей толпой, я никого не подцеплю на крючок. Нужно выбрать мишень и сосредоточиться на ней. Важно не ошибиться». И Харк сделал выбор. Встретился с мишенью глазами. Долго удерживал взгляд. Вскинул брови. «Да. Ты. Пожалуйста».

Женщина с моноклем, в коричневом жакете, несколько секунд глядела на него, прежде чем улыбнуться.

– Ладно! – воскликнула она. – Я клюнула. Рассказывай, парень!

Глава 3

Сердце Харка забилося. В голове проносились возможные варианты истории. «Я тут ни при чем! Идея была не моя! Я испугался, и вообще я ни в чем не виноват. Меня самого обманули!» Но истории такого рода рассказываешь, когда хочешь убедить людей в своей невиновности или, по крайней мере, безобидности. Если какой-то стражник или хозяин лотка держит тебя за шиворот, можно вызвать у них что-то вроде жалости, и тогда они отпустят воришку, дав на прощание пинка под зад.

Но тут совсем другая обстановка. Он не на суде. Сейчас не важно, виноват ли он, важно, насколько он заинтересует толпу. Если Харк наскучит публике, ему конец. Болтая без умолку, умоляя о пощаде и делая большие глаза, он быстро утомит всех. Хуже того, он будет выглядеть слабым и глупым. Может, кто-то и пожалеет его в душе, но не купит. Никому не нужен слабый, глупый слуга. Он должен казаться ценным приобретением. Умным, но не слишком болтливым. С добрым сердцем, но не наивным.

– Не буду притворяться, будто не разбивал фонарей, – сказал он с напускной смелостью. – Но сделал я это не ради денег и не чтобы развлечься. Я просто не мог этого не сделать.

«Дразни их любопытство. Удерживай их внимание».

– Хочешь сказать, тебя кто-то заставил? – спросила женщина, заглотившая наживку.

Ему было трудно прочесть ее мысли. Судя по акценту, она была родом не с Ледиз-Крейва, но все же не издалека. Может, с одного из ближайших островов? Выражение ее лица было наигранно удивленным, тон – слегка насмешливым. Если повезет, она продолжит задавать вопросы. Только в этом случае у Харка оставался лучик надежды.

– Нет, – ответил он. – Идея была моей. Конечно, глупая была задумка, я знаю. И тогда знал. Но иначе поступить я не мог.

«Притормози. Оставь объяснения на потом. Пусть гадают».

– Я бы ни за что не сделал ничего подобного только ради смеха, – поспешно добавил он. – Вы видели ту скалу? Не всякий полез бы на нее по своей воле. А вы? Вы забрались бы? – Теперь он говорил, обращаясь к женщине.

«Только не клади все яйца в одну корзину. Говори громко, чтобы слышали даже в задних рядах. Время от времени посматривай на других».

– Мне пришлось подняться на самую вершину той скалы. В темноте. Под дождем. Там камнем из рогатки я разбил первый фонарь. – Он на секунду опустил глаза и смущенно пожал плечами. – Я знал, что стража обязательно явится, поэтому не мог бежать по утесу к следующему маяку.

Поскольку Харку вменялось в вину уничтожение двух фонарей, можно было надеяться, что аукционист понятия не имеет о том, как все происходило. Что фонари были разбиты почти одновременно, с интервалом всего в несколько секунд. Он вполне мог рассказать историю, не упоминая о Джелте и людях Ригг.

Харк мельком взглянул на веснушчатую девчонку в первом ряду. Ее большие глаза по-прежнему были устремлены на него, словно она пыталась проникнуть в его мысли.

– Там есть карниз, который проходит под выступом. Ширина этого уступа местами всего в ладонь.

Харк немного развел руки, чтобы показать эту опасную ширину.

– Скользкий. И крошится. Но другого пути не было. В дюйме от меня – обрыв высотой триста футов. Дождь заливает глаза, ветер пытается свалить в пропасть, соскresti с карниза, как устрицу из раковины...

Владелец шахты нетерпеливо заерзал на месте. «Многовато описаний, – одернул себя Харк. – Слишком красноречиво».

– Трижды я чуть не свалился, – поспешно продолжил Харк, – потерял рогатку. Не мог попасть во второй фонарь, так что пришлось подниматься на металлическую, скользкую от дождя башню и сбросить второй фонарь.

Он помедлил, надеясь, что слушатели вспомнят высоту башни и оценят его упорство и ловкость.

– Тебе следовало ответить на вопрос леди, – отрезал аукционист, – а не тратить наше время на твою бессвязную и слишком детальную исповедь.

– Знаю, знаю, – поспешно согласился Харк. – Я хочу сказать, что не пошел бы на такой риск, не будь у меня веской причины. – Он глубоко вздохнул и продолжил: – Нет, никто меня не заставлял. Даже не просил. Но кое-кому было необходимо, чтобы я сделал это.

Брови некоторых покупателей вопросительно приподнялись – хоть какой-то намек на заинтересованность.

– Я вырос в приюте, – начал он.

– Вот это сюрприз! – крикнул шахтовладелец.

Многие покупатели усмехнулись, переглянувшись. Большинство подкидышей и осиротевших детей на Ледиз-Крейве оседали в приюте, и многие покинули его юными многообещающими мошенниками.

– Прекрасное место, не так ли? – быстро нашелся Харк и криво улыбнулся.

«Не позволяй им сбить тебя. Крепче держи поводья».

– Возможно, кто-то тоже вспоминает о нем. А сейчас... Само собой разумеется, я очень благодарен губернатору за великодушие. Но ведь порой мы обязаны и другим людям, не так ли? Тем, кто дает нам работу или еду.

Он не упомянул о том, что выдаваемой в приюте еды было маловато, чтобы выжить. Сейчас это было лишнее.

– Одна женщина иногда разбивала палатку в пещере неподалеку и продавала маринованные морские водоросли. Порой она кричала на нас и отгоняла, швыряясь камнями. Она была немного не в себе – скверный характер. Но иногда оставляла для нас еду на камнях.

Когда Харк был совсем маленьким, действительно была такая старуха. Он не знал, что с ней стало, но мысленно поблагодарил ее за то, что она вдохновила его на эту историю.

Кто-то из публики внимательно слушал. Другие нетерпеливо листали каталоги. «Не нужно слишком давить на жалость, – напомнил себе Харк. – Покороче».

– Думаю, за эти годы она совсем выжила из ума. Стала разбивать свою палатку в самых темных пещерах, какие только ей удавалось отыскать. Она не могла выносить свет маяков по ночам. Вы знаете, как это бывает.

Объяснять было ни к чему. В фонари сигнальных башен заливали воду Подморья, смешанную в нужной пропорции с рыбьим жиром, а в качестве фитиля использовали крохотные волокна боготовара. Такие фонари горели дольше и ярче, чем ворвань⁴, но недаром их называли страхофонарями. Что-то в их свете неприятно действовало на нервы и заставляло сердце биться быстрее. Поколение Харка выросло с этими фонарями и привыкло к их воздействию, но люди постарше часто не выносили их и жаловались, что от их света у них бывают кошмары.

Старики, которые были свидетелями битвы богов, больше других ненавидели сигнальные башни. Они помнили этот тошнотворный пляшущий фиолетовый свет, мерцающий во тьме или едва скользкий по гигантским остовам кораблей.

– Как ее звали? – крикнула женщина с моноклем.

– Катя, – ответил Харк, не задумываясь. Ту старуху действительно звали Катей, к тому же имя было вполне распространенным. – Она ночует в разных уголках острова. Многие, должно быть, знают ее. Можете сами спросить!

⁴ Ворвань – слой подкожного жира морских млекопитающих, таких как киты и тюлени.

Женщина подняла брови. «Да, – говорил ее взгляд, – но я не могу проверить правдивость твоих слов прямо сейчас, правда? Не могу удостовериться, что ты не врешь, пока не сделаю ставку».

Это соображение было единственным преимуществом для Харка. К счастью, аукционист ничего не знает о его деле, кроме того, что прочитал вслух. Покупателям придется самим решать, верить ли истории Харка. Если кто-то купит его, а потом обнаружит, что его обманули, – рассердится, конечно, но у Харка будет шанс снова заговорить им зубы.

– Так это Катя любезно попросила тебя погасить фонари? – спросила женщина в жакете все тем же недоверчивым тоном.

– Катя никогда ничего не делает любезно, мэм, – откликнулся Харк, с радостью заметив слабые улыбки на нескольких лицах: они поверили в реальность старухи. – Она даже умудряется выводить из себя местных мусорщиков. Орет на них и приказывает убираться с ее берега. Они прогнали бы ее или что похуже, если бы я не уговорил их оставить ее в покое. И... если бы они не видели, что она больна. – Он принял мрачный вид и пожал плечами. – Я понял, что она уходит.

«Проще, правдоподобнее и не вдаваясь в детали».

– Она совсем лишилась ума – перестала меня узнавать. Постоянно пряталась в пещерах и думала, что фонари на вершинах скал были мигающими фиолетовыми огнями богов, вернувшихся из мира мертвых. Будто они снова ожили, поднялись из глубин и теперь прочесывают остров в ее поисках.

Харк покачал головой и грустно прищелкнул языком. Сейчас он и сам почти поверил своей сказке. Конечно, это ложь, но, как любая первоклассная ложь, она несла в себе толику правды. Он видел, как старики таким же образом сходили с ума, их детские страхи всплывали на поверхность, подобно утопленникам.

– Вчера вечером она появилась в той бухте, и, клянусь, кости просвечивали под ее кожей. Я понял, что она не протянет до утра. Она пряталась в пещере, ослабевшая и голодная, чтобы стоять на ногах... Но стоило ей выйти, как фиолетовый свет снова сводил ее с ума. Она начала вопить и, спотыкаясь, опять бежала в пещеру. Я попытался передать ей еды и воды, но она наставила на меня нож. Глупая корова!

Харк покачал головой.

– Вот я и сказал ей, что все хорошо, что бог уже уходит. Если она подождет, то сама убедится, что на берегу темно и безопасно. Потом я взобрался на тот утес и сделал, что обещал.

– Ты бросил безумную женщину умирать в одиночестве? – резко спросила женщина с моноклем.

– Да, – кивнул Харк.

«Никаких оправданий, никаких колебаний».

– Бросил. И даже не знаю, помог ли ей, разбив фонари. Может, она так и осталась в той пещере. А может, вышла и умерла в своей палатке, в темноте и покое. Не знаю, но я не мог не попытаться. Это все, что я мог ей дать.

Харк глубоко вздохнул и оглядел собравшихся. Он выставил себя в лучшем свете. Парень, выросший без присмотра, но храбрый, искренний и благонадежный. Из тех смысленных добросердечных людей, которые отдадут последний кусок тому, кто заслужит их благодарность. Харк знал, что такая характеристика гораздо выгоднее, чем «подлый мелкий жулик с обширными преступными связями».

Женщина несколько секунд удерживала его взгляд, после чего вскинула брови и отвела глаза. Теперь она выглядела безразличной и скучающей. Харк прикусил губу. Неужели он не так повел игру?

Аукционист, все это время просматривавший свои заметки, громко откашлялся, и Харк от неожиданности подскочил.

– Еще есть вопросы? – недовольно спросил аукционист; в тоне явно сквозило нетерпение. – Нет? В таком случае перейдем к торгам.

Кровь бешено забила в висках Харка. Ему удалось сохранять внешнее спокойствие, пока он разыгрывал свой спектакль, но теперь неожиданно он понял, что ему трудно дышать.

– Начальная ставка? – спросил аукционист.

Харк рефлекторно взглянул на женщину, которая задавала ему вопросы. Та углубилась в каталог. Неужели она потеряла к нему интерес, несмотря на то что Харк удовлетворил ее любопытство? Он оглядел других покупателей, но понял, что все это время возлагал надежды только на нее. И историю адресовал именно ей.

Один из покрытых шрамами мужчин поднял руку и предложил ничтожную сумму. Гордость Харка была ранена. «Но если они все-таки начали делать ставки, значит, я чего-то стою, – напомнил он себе. – Есть шанс, что кто-то предложит цену повыше». Он старался не думать о том, что его могут запереть в вонючем трюме, о кандалах, натирающих кожу запястий и щиколоток.

Шахтовладелец, изучавший его в карманный бинокль, поднял руку и произнес цифру, мало чем отличавшуюся от первой. Харк представил, как протискивается через узкие подземные щели и его накрывает камнепадом. Он вонзил ногти в ладони. «Сделайте еще ставку хоть кто-нибудь! Пожалуйста!» Харк с отчаянием оглядел других покупателей, в частности женщину с моноклем. Он даже устремил умоляющий взгляд в сторону веснушчатой, поцелованной морем девочки. Ничего. Никто глазом не моргнул. Мужчина со шрамами снова сделал ставку, чуть выше стоимости живого козла. Шахтовладелец пожал плечами, очевидно, отказавшись от дальнейшего торга. Наступила тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.